

Гу Чиси вышла из класса вместе с однокурсниками и, заметив Вэнь Нин, почувствовала, как в её отстранённом взгляде промелькнуло нечто живое. Она спросила:

— Что случилось?

Вэнь Нин надула щеки и, покосившись на однокурсницу Гу Чиси, замялась. Рассказывать при посторонних было ужасно стыдно.

— Ой, малышка, снова пришла искать свою сестричку Сиси? — подшутила девушка.

Вэнь Нин закусила губу и кивнула. Заметив, что та хочет что-то сказать, Гу Чиси обернулась к однокурснице:

— Иди в раздевалку, я скоро приду.

— Хорошо.

Закатное солнце удлинило их тени. Вэнь Нин опустила голову, теребя пальцами край одежды. Выглядела она так, будто натворила дел, и тихо позвала:

— Сестренка...

— М-м?

— Я... — девочка подняла взгляд, и лицо её залила краска смущения.

Гу Чиси сохраняла невозмутимый вид, но в глазах её разливалась мягкость. Она протянула руку и погладила Вэнь Нин по волосам:

— Что-то стряслось?

Вэнь Нин придвинулась ближе и, долго переминаясь с ноги на ногу, наконец пробормотала, в чем дело. Подраться с одноклассницей — не беда, но вот хвастаться, что ничего не боишься, а потом бежать за подмогой — это было по-настоящему стыдно. Она очень дорожила своим достоинством, но перед Гу Чиси ей было не зазорно показаться слабой.

Надутые губки и чуть раздутые щеки делали её невероятно милой. Выслушав её, Гу Чиси замерла. На лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, лишь уголки губ едва заметно приподнялись:

— Она просто тебя пугала.

— Но у Сюй Вэньвэнь правда есть старший брат... — пробурчала Вэнь Нин, недовольно фыркнув.

— А у тебя есть сестра.

— А?

Глаза девочки засияли. Гу Чиси взяла её за руку:

— Пойдем, я провожу тебя до класса.

Это называлось «проводить», но на самом деле Гу Чиси просто хотела поддержать Вэнь Нин и придать ей уверенности. Детские ссоры — дело обычное, но чаще всего в такие моменты важнее всего психологическая опора.

К удивлению, старшим братом Сюй Вэньвэнь оказался одноклассник Гу Чиси. Между подростками не было никаких противоречий, и при встрече они вели себя вполне мирно. Гу Чиси, не по годам развитая, умела вести себя как взрослый, и после пары фраз конфликт был исчерпан — каждый отправился воспитывать свою подопечную.

Позже Сюй Вэньвэнь больше не смела задирать Вэнь Нин, потому что знала: проиграет.

Спустя много лет воспоминания поблекли, но Вэнь Нин до сих пор помнила тот закат цвета яичного желтка и то, как Гу Чиси уверенным и нежным голосом сказала ей: У тебя есть сестра.

В пятницу разразился сильный ливень.

Гу Чиси вернулась из командировки. Её служебный самолет, как и другие, долго кружил над Лочэном, прежде чем сесть. Едва вернувшись в офис, она погрузилась в бесконечные совещания.

— Госпожа Гу...

Как только автоматические двери разъехались, помощница поспешила навстречу:

— Пилот по фамилии Вэнь сказала, что нашла ваши ключи от машины.

В руках у неё был плоский черный предмет. Тань Цзя, стоявшая рядом, с трудом сдерживала смех. Гу Чиси молчала несколько секунд, затем забрала ключи и направилась в кабинет.

— Сестра Тань, почему у тебя лицо перекошило? — обеспокоенно спросила девушка-помощница.

— Кхм, — Тань Цзя вернула себе серьезный вид, — все в порядке.

В конце коридора пустовали три рабочих места, два из которых уже были заняты новыми секретарями — Гао и Чэнь. Они еще проходили испытательный срок и занимались лишь бумажной работой.

— Госпожа Гу, сестра Тань.

Тань Цзя вошла вслед за начальницей и, отбросив шутливый тон, доложила:

— Госпожа Гу, ваш визит в Цзянчэн в следующую среду...

— Замени на бизнес-класс рейса DC5091, — тихо перебила Гу Чиси, опускаясь на диван.

— ...

DC — код авиакомпании Хуанья. Тань Цзя замерла, быстро проверила информацию о рейсе в телефоне и растерянно произнесла:

— Вылет во вторник в десять пятьдесят вечера. Глубокая ночь, вы не отдохнете, это скажется на работе на следующий день.

— Вэнь Нин будет за штурвалом.

Гу Чиси закрыла глаза, медленно поглаживая ключи от машины. Её профиль был изящным, кожа — болезненно-бледной, а взгляд — неизменно холодным; ничто не могло вызвать в ней бурю. Кроме того, что касалось Вэнь Нин.

Рот Тань Цзя снова скривился в усмешке. Хорошо, что начальница не видит.

— Хорошо.

— Подожди, — Гу Чиси не открывала глаз, — съезди в Тяньхэвань, дом N102, перегони мою машину на подземную парковку офиса, а потом можешь быть свободна.

Тань Цзя, с трудом скрывая улыбку, забрала ключи и вышла.

Наступила долгая тишина. Телефон завибрировал, и Гу Чиси открыла глаза. На экране высветилось имя Ян И. Лицо Гу Чиси помрачнело, она ответила на звонок и включила громкую связь.

— Сиси, ты где? — раздался резкий, старческий голос женщины.

— В офисе.

— Неужели эта захудалая авиакомпания стоит того, чтобы ты так убивалась? У семьи Гу столько активов, а ты даже не пытаешься за них бороться! Рано или поздно эта волчица Ван Лия приберет всё к рукам. Целыми днями не бываешь дома, я что, тебя съем? Вся в отца, те же замашки...

Собеседница не заботилась о том, слушают её или нет, продолжая без умолку тараторить.

— Довольно, — нетерпеливо прервала её Гу Чиси, чувствуя, как внутри закипает раздражение, — вечером приеду.

Она сбросила вызов, потерла переносицу и, посидев немного, открыла контакты. Нашла номер, подписанный как Ниннин, и, поколебавшись, позвонила. На том конце ответили не сразу.

— Алло?

— Это я.

— Знаю. Что-то случилось? — тон Вэнь Нин был холодным и отстраненным.

Гу Чиси опустила глаза и лишь спустя долгое время произнесла:

— Ничего. Просто хотела услышать твой голос.

— ...Ниннин? — Гу Чиси не выдержала долгого молчания в трубке.

— М-м.

— Ты занята?

— Нет.

Снова тишина. Гу Чиси смотрела на ковер, её ресницы слегка дрожали.

— Больше ничего, тогда пока.

Она повесила трубку. Если бы она промедлила хоть немного, то услышала бы голос Вэнь Нин и не смогла бы отпустить её. Гу Чиси закрыла глаза, взъерошив волосы. Раздражение утихло, но в груди осталось давящее чувство пустоты. Она устало прислонилась к спинке дивана, прижимая одну руку к груди, а другой сжимая телефон, втайне надеясь, что он снова завибрирует.

И телефон ожил. Не звонок, а сообщение от Вэнь Нин:

«Сексуальный пилот предлагает платные услуги онлайн-собеседника. Десять минут — триста юаней. Спешите, предложение ограничено».

Гу Чиси улыбнулась, глядя на экран. Перечитав сообщение несколько раз, она ответила: «Ты бесценна».

Долгое время ответа не было, и она снова позвонила.

— Вы дозвонились в службу сопровождения капитана Вэнь. Отсчет времени пошел, — едва сняв трубку, Вэнь Нин заговорила нарочито электронным голосом.

Гу Чиси улыбнулась:

— Можешь спеть?

— Пение оплачивается отдельно, двести юаней за песню.

— Хорошо.

— Что хочешь услышать?

— Водоворот.

— ...

— М?

— Сейчас поищу полную версию текста, — сказала Вэнь Нин.

На том конце слышался шорох, а через мгновение зазвучал нежный, тихий голос. Вэнь Нин не знала кантонского, но очень любила песни на нем и, много слушая, научилась имитировать произношение — получалось довольно похоже. Её голос был тонким, но не визгливым, мягким и глубоким.

— Приди, утони в моей глубине, мир вот-вот превратится в брызги... — допев до строчки, которую она напевала той ночью, Вэнь Нин внезапно притихла.

Текст был двусмысленным, пропитанным намеками. Петть его просто так — одно, но если вкладывать в него чувства, он обретал совсем иной смысл, вызывая бурю мыслей.

Гу Чиси молча слушала. Когда эта песня вышла, они еще учились в начальной школе. Раньше она казалась просто красивой мелодией, но теперь, став взрослее, она всё яснее улавливала в ней чувственный подтекст.

Вокруг словно и правда возник водоворот, затягивающий Гу Чиси внутрь. Воздух наполнился мелкими, сверкающими брызгами, которые со всех сторон окутывали её. В полузабытьи перед глазами всплывали воспоминания о той безумной ночи. Ниннин и в постели была упрямой: просишь её кричать — она ни за что, стиснув зубы, утыкалась в подушку, лишь тяжело дыша и тихонько постанывая. А если злилась, то дрожала и начинала ругаться. И чем яростнее она ругалась, тем лучше ей было.

— Ниннин... — невольно выдохнула Гу Чиси.

Пение оборвалось. По привычке Вэнь Нин должна была бросить трубку, но она промолчала, не проронив ни слова. Гу Чиси закусила губу и поспешила сменить тему:

— Я отправила Тань забрать машину.

На том конце помолчали, а потом раздался смешок:

— Если не заберешь, люди подумают, что меня содержат.

Когда-то Тяньхэвань был знаменитым элитным районом Лочэна, но город рос, планировка менялась, и новые жилые комплексы росли как грибы после дождя. Теперь Тяньхэвань стал обычным старым районом, цены на жилье почти не выросли, а живут там простые люди. Время меняет многое.

— А ты хотела бы, чтобы я тебя содержала? — в шутку спросила Гу Чиси.

На словах это была шутка, но внутри Гу Чиси прощупывала почву. Долг Вэнь Нин был немалым, по пятьдесят-шестьдесят тысяч ежемесячно — с процентами на это ушли бы десятилетия. Почти вся жизнь под гнетом долга. Для Гу Чиси помочь ей было проще простого, но с характером Вэнь Нин прямое предложение было равносильно тому, чтобы подставиться под удар. Ей нужен был повод.

— Мечтаешь? — Вэнь Нин тоже подхватила игру. — Я дорого стою, тебе не по карману.

Это был отказ. Взгляд Гу Чиси потемнел, и она отступила:

— Хорошо, буду усерднее работать.

Им не о чем было говорить, кроме работы. Всё остальное — лишь общее прошлое, похожее на кофе с большим количеством молока и сахара: на вкус сладко, но в послевкусии горчит. С момента их воссоединения даже воспоминания стали редкостью.

— Я договорилась с друзьями поужинать, пора идти.

— С какими друзьями?

— Да какая разница, ты их всё равно не знаешь. На этом всё, госпожа Гу, если снова понадобится собеседник — обращайтесь! — выпалила Вэнь Нин и отключилась.

Гу Чиси смотрела на телефон, погрузившись в свои мысли. Посидев немного, она взглянула на время, открыла платежное приложение, ввела номер Вэнь Нин и перевела десять тысяч.

Кто бы мог подумать, что через минуту Вэнь Нин вернет девять с половиной тысяч обратно.

— ...

Вечер. Закатное солнце окрасило небо в бледно-золотой и красный, облака пылали, словно живая картина маслом.

Вилла Чжунлань располагалась в пригороде нового района Лочэна, окруженная горами, с видом на залив. Прекрасное место. Раньше она принадлежала Гу Чжоухаю, а после его смерти, согласно завещанию, перешла Гу Чиси.

Около полутора месяцев назад Гу Чиси переехала сюда вместе с матерью, но сама она это место не любила и обычно жила в отелях, навещаясь сюда лишь тогда, когда мать начинала докучать своими причитаниями.

Пройдя через сад и главный корпус, она поднялась на третий этаж в чайную комнату. Дверь была приоткрыта, оттуда доносился приглушенный шепот. Гу Чиси помедлила, но не остановилась и решительно вошла.

На мягкой кушетке полулежала красивая женщина средних лет с распущенными волосами, а рядом, стоя на коленях, её обнимал молодой мужчина — крепкий, с сильными руками. Они были очень близки.

Гу Чиси слегка кашлянула. Оба тут же обернулись. Ян И, не смутившись, оттолкнула мужчину и села, щурясь с улыбкой:

— Сиси, наконец-то вернулась.

— М-м.

Гу Чиси села на диван с холодным выражением лица.

— Останешься на ночь? Поболтаем с мамой, — Ян И ласково придвинулась, обняв её за руку, и сделала знак молодому человеку. Тот тут же подал чай.

Это был её новый парень, модель, «мальчик-волчонок» — высокий, статный, с чистой кожей, на пять лет моложе самой Гу Чиси. А Ян И было пятьдесят четыре, но выглядела она, благодаря уходу, от силы на сорок, и рядом с дочерью казалась скорее сестрой.

Гу Чиси приподняла веко:

— О чем болтать?

— Ты вечно пропадаешь, мама скучает. И еда не лезет, и сон не идет, всё жду тебя...

— Сколько денег нужно? Говори прямо.

Ян И поперхнулась. В комнате воцарилась неловкая тишина. «Мальчик-волчонок», взглянув на мать и дочь, молча вышел и прикрыл дверь.

— Ты так со мной разговариваешь? — Ян И была в ярости от того, что дочь не проявила ни капли уважения при её любовнике.

— Сколько? — повторила Гу Чиси, не отрывая взгляда от чашки.

— Какая же я несчастная! Муж — бессердечный, дочь — бессердечная! Наследство не отсудила, так еще и слова доброго от неё не дождешься... — Ян И продолжала ворчать, искоса поглядывая на неё. — По-моему, единственное, что ты умеешь — это строить мне холодные рожи.

Эти слова она повторяла бесконечно, меняя лишь содержание. С самого детства она только и делала, что жаловалась на всех вокруг, выставляя себя жертвой.

Гу Чиси холодно усмехнулась:

— Всё лучше, чем быть любовницей, которую вышвырнули на улицу.

Воздух в комнате застыл.

— Ты... — Ян И вскочила, её лицо исказилось от гнева, она указала на дочь: — Ты, неблагодарная, смеешь меня попрекать? Я всё делала ради тебя! Ты знаешь, как трудно было тебя вырастить? Сколько я всего вытерпела...

— Ты сама выбрала такую жизнь.

— ...

Гу Чиси смахнула её руку и встала. В её темных глазах вспыхнул холод:

— Ты сама прекрасно знаешь, что растила меня не из любви, а чтобы использовать как разменную монету, выбивая деньги из Гу Чжоухая.

Отношения матери и дочери всегда были прохладными, основанными на деньгах, без капли тепла. В детстве Гу Чиси еще питала иллюзии, но повзрослев, окончательно охладела. Она была лишь инструментом для обогащения в руках матери. Когда та была довольна — она была «любимой доченькой», когда нет — «бесполезным грузом».

— Ох, какая же я несчастная... — Ян И затряслась от ярости, рухнула на диван и разрыдалась. — Получила наследство отца и зазналась, мать больше не нужна! Зачем мне жить, если родная дочь меня ненавидит...

Она плакала так искренне, с красными глазами, что выглядела по-настоящему жалко. Гу Чиси раздраженно отвела взгляд, сжав кулаки. Каждая встреча заканчивалась ссорой через пять минут. Раньше она терпела, но в последние годы чаша терпения переполнилась. Однако она по-прежнему не могла быть до конца жестокой.

Ян И, видя, что дочь не реагирует, постепенно утихла и сидела, как нашкодивший ребенок.

— Верно, — тихо сказала Гу Чиси, — я тебя ненавижу. Но ты вынуждена полагаться на меня, точно так же, как в детстве я была вынуждена полагаться на тебя.

Она достала из сумки карту и бросила её на пол.

Ночь была глубокой, огни города сияли, скрывая тусклый свет луны за облаками. Пятница — самый оживленный день, ведь завтра выходные, можно позволить себе всё. На улицах вдвое больше людей, в центре даже в восемь-девять вечера пробки.

Гу Чиси нарезала круг за кругом, пока топливо не начало подходить к концу. Она заехала на заправку, заправилась и продолжила бесцельно ездить по городу. Фонари, реклама, рестораны — всё проносилось мимо, как падающие звезды. В машине по кругу играл Водоворот.

Неожиданно для себя она направилась к Тяньхэвань. Высотки сменились низкими домами, и, как только она въехала в старый район, на неё нахлынула густая, бытовая атмосфера жизни.

Во дворе было тихо, старые фонари с облупившейся краской излучали тусклый желтый свет. В доме N102 было темно, хозяйки, похоже, не было. Гу Чиси помедлила, проехала чуть дальше и припарковалась за большим деревом у стены.

Заглушила мотор, погасила фары — машина полностью растворилась в темноте. Вокруг тишина. Она скрестила руки на груди, прислонившись к спинке сиденья, и расслабилась, не сводя глаз с крыльца.

Неизвестно, сколько времени прошло, но в конце улицы показались две фигуры. В свете фонаря Вэнь Нин шла бок о бок с незнакомой длинноволосой женщиной. Они о чем-то смеялись, не спеша дошли до ворот и вместе вошли в дом.

В окнах зажегся свет.

<http://bllate.org/book/19577/1919757>